

ЗАПИСЬ ОТ И. А. ФЕДОСОВОЙ
НА ФОНОГРАФ В 1896 г.

*

От известной русской исполнительницы притчаний И. А. Федосовой записано было едва ли не больше текстов, чем от любого другого исполнителя фольклора в Европе. По количеству записанного с ней могут сравняться только среднеазиатские певцы эпических поэм или крупнейшие русские сказочники (например, М. М. Коргуев). От нее записывали Е. В. Барсов, О. Х. Агренева-Славянская, А. Н. Толиверова, П. Т. Виноградов и, по-видимому, П. Н. Рыбников.¹

К сожалению, записи музыкантов не столь многочисленны и характеризуют И. А. Федосову — хранительницу музыкальной фольклорной традиции — далеко не с той же яркостью, с какой словесные тексты отражают ее поэтический дар. Следует также учесть, что большинство ее напевов дошло до нас в небезупречных записях (нотациях) О. Х. Агреневой-Славянской; о дилетантстве ее в сфере филологии нами уже говорилось.² Весной 1886 г. Ф. М. Истомин и Г. О. Дютш во время своей поездки по Олонецкой губ. пытались разыскать И. А. Федосову в Петрозаводске, но безуспешно: за два года до этого, после смерти второго мужа, И. А. Федосова возвратилась на постоянное жительство в Кузаранду. Благодаря счастливой случайности собиратели все-таки встретили И. А. Федосову на пароходе, шедшем по Онежскому озеру, и записали от нее одну свадебную песню («Пивна ягода»).³ Шесть напевов были записаны и изданы в обработке для голоса с фортепиано С. Г. Рыбаковым: «Былина о Добрине Никитиче», свадебные песни «Ай, с терема на те-

¹ См. библиографию в кн.: Чистов К. В. Народная поэтесса И. А. Федосова. Очерк жизни и творчества. Петрозаводск, 1955; о несохранившихся записях П. Т. Виноградова см.: там же, с. 161—163; о встрече П. Н. Рыбникова с И. А. Федосовой: там же, с. 63.

² Чистов К. В. Текстологические проблемы поэтического наследия И. А. Федосовой. — В кн.: Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973, с. 152, 155, 160—161 и др.

³ Песни русского народа, собранные в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 г. Зап. Ф. М. Истомин и Г. О. Дютш. СПб., 1894, IV, № 7 (далее: Ист., Дютш); Истомин Ф. М. 1) О притчаниях и плачах, записанных в Олонецкой и Архангельской губерниях. — ЖС, 1882, № 11, с. 140; 2) И. А. Федосова — олонецкая стиховодница. — Нива, 1895, № 5, с. 122—123.

рем», «А в городе кровать», хороводная «Во лузях» и две неподтекстованные мелодии. С. Г. Рыбаков записывал от Федосовой 25 января 1895 г., в дни ее выступлений в Петербурге.⁴

Из сообщений В. В. Ястребцева известно, что в Петербурге среди слушателей И. А. Федосовой был также Н. А. Римский-Корсаков.⁵ Во время выступлений сказительницы 8 и 10 января 1895 г. в Соляном городке он сделал, по свидетельству В. В. Ястребцева, пять потных записей. Сравнительно недавно они были разысканы и опубликованы в Полном собрании сочинений великого композитора. Оказалось, что в записную книжку № 4 Н. А. Римский-Корсаков занес не пять, а девять мелодий олонецкой вопленицы:⁶ 1) неподтекстованный и неозаглавленный напев, под которым выписан фрагмент текста:

Гуси-лебеди испугались,
В дальни бережки бросалися;⁷

2) «Добрыня Никитич» (тот же напев, что и предыдущий, но с незначительными вариантными изменениями и в иной тактировке⁸); 3) свадебная песня «Пивна ягода»;⁹ 4) «Во лузях»;¹⁰ 5) похоронное причитание жены по мужу; 6) причитание свадебное; 7) свадебная песня «С терему по терему»;¹¹ 8) «Полковничек»¹² — незаконченная запись напева протяжной песни; 9) «Былина об Иване Грозном» (два варианта напева).¹³

⁴ Рыбаков С. [Без названия]. — Русская беседа, 1895, № 4, с. 181—184 и потное приложение (далее: Рыбаков). О других записях этих же песен см.: Чистов К. В. Народная поэтесса..., с. 346—349 («Репертуар И. А. Федосовой»).

⁵ В числе музыкантов, слушавших И. А. Федосову, были В. В. Андреев, М. А. Балакирев, Иосиф Гофман, А. Н. Корещенко, С. В. Смоленский, Ф. И. Шаляпин и др. (Чистов К. В. Народная поэтесса..., с. 94—163).

⁶ Ястребцев В. В. Николай Андреевич Римский-Корсаков. Воспоминания (1886—1908). Вып. II. Л., 1917, записи от 9 и 13 января 1895 г.; Римский-Корсаков Н. Литературные произведения и переписка. — Поли. собр. соч., т. IV, доп. Подг. В. В. Протопопова. М., 1970, с. 61—62.

⁷ Может быть, фрагмент песни «Как по улице шведской» (ср.: Агренева-Славянская О. Х. Описание русской крестьянской свадьбы в трех частях, ч. I. М., 1887—1889, № 13 — далее: Агренева-Славянская) или былины «Добрыня и змей», в которой богатырь охотится на «гусей-лебедей» (в репертуаре Федосовой не зарегистрирована).

⁸ Ср.: Рыбаков, № 4; Агренева-Славянская, ч. III, № 14.

⁹ Ср.: Ист., Дютш, № 7; Агренева-Славянская, ч. II, № 16; Причтания Северного края, собранные Е. В. Барсовым. Ч. III. Плачи свадебные и др. — ЧОИДР, 1895, вып. III—IV (далее: Барсов, III), с. 252.

¹⁰ Ср.: Толиверова А. Н. И. А. Федосова. — Игрушечка, 1895, № 8, с. 374—382.

¹¹ При подготовке к печати этой записи Н. А. Римского-Корсакова вкрадась явная текстологическая ошибка: припев «Играйте гораже!» В. В. Протопопов расшифровал как «горе же» (?!). Ср.: Рыбаков, № 4, Агренева-Славянская, № 15; Барсов, III, с. 251—252.

¹² Причтания Северного края, собранные Е. В. Барсовым. Часть II. Плачи завоенные, рекрутские и солдатские. М., 1882 (далее: Барсов, II), с. 265—267.

¹³ Ср. сообщения в газетах: Новости дня, 1895, № 4156; Новости и биржевая газета, 1895, № 5. Запись текста не сохранилась.

Три песни в записях Римского-Корсакова и Рыбакова совпадают. Имеются также совпадения между их записями и сведениями о репертуаре И. А. Федосовой в 1890-е годы, содержащимися в статьях А. М. Горького, мемуарах Ф. И. Шаляпина и др. Это свидетельствует об относительной устойчивости программы выступлений выдающейся народной поэтессы в Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде и Казани в 1895—1896 гг. Преобладание песен отчасти может объясняться также и тем, что жанр, в котором Федосова чувствовала себя с наибольшей свободой (причтания), был мало приспособлен для «концертного» исполнения.

Бесценными документами исполнительской деятельности И. А. Федосовой должны были стать фонографические записи, осуществленные членом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете Ю. И. Блоком во время ее пребывания в Москве в январе 1896 г. Запись на восковой валик была в то время столь значительным событием художественной жизни, что о нем сообщили газеты, — это были первые эдиссоновские валики в России.¹⁴ Отметил этот факт и А. М. Горький, излагая в своей корреспонденции о Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде вступительное слово П. Т. Виноградова перед выходом И. А. Федосовой на эстраду. Горький со слов П. Т. Виноградова ошибочно писал о том, что записи Ю. И. Блока были переданы в РГО.¹⁵ Записи эти разыскивались в конце 40-х—начале 50-х годов Е. И. Кани-Новиковой и К. В. Чистовым, но найдены не были; считалось, что коллекция Ю. И. Блока погибла во время войны в оккупированном Смоленске.¹⁶

К счастью, это предположение не оправдалось. Выяснилось, что эдиссоновские валики, на которые записывал Ю. И. Блок, были в годы Великой Отечественной войны вывезены в Германию, а затем возвращены в Советский Союз вместе с другими этнографическими коллекциями. Они хранятся ныне в фонограммархиве ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР. Ценность этих валиков чрезвычайно высока. На них обнаружены, кроме интересующих нас записей от И. А. Федосовой и записей И. Т. Рябина, голоса Л. Н. Толстого, Ф. И. Шаляпина и др. В ближайшем будущем все валики этой коллекции будут рестав-

¹⁴ Московский листок, 1896, № 6. Двумя годами раньше Ю. И. Блок записывал на фонограф былины И. Т. Рябина (см.: Ляцкий Б. Сказитель И. Т. Рябинин и его былины. — ЭО, т. XXIII, кн. 4). Ю. И. Блок, по сведениям Е. В. Гиппиуса, был владельцем магазина mimeографов, гектографов и фонографов на Кузнецком мосту в Москве. См. также: Шилов Л. Голоса, зазвучавшие вновь. М., 1977.

¹⁵ Горький М. Собр. соч. М., 1953, т. 23, с. 231. В журнале поступлений в архив РГО за 1896 и последующие годы не значится.

¹⁶ Кани-Новикова Е. И. Евгения Линева. М., 1952, с. 44; см. также: Чистов К. В. Народная поэтесса..., с. 131.

рированы и переведены на металлические диски — практически на вечное хранение (ведь воск непрочен!). В настоящее время подобную обработку уже прошли валики, на которых были записаны И. Т. Рябинин и И. А. Федосова, благодаря чему и оказалась возможной данная публикация.¹⁷

Принадлежность двух записей на одном из этих валиков (архивный шифр его ФВ 5972) И. А. Федосовой была установлена еще в 1956—1957 г. покойным Б. М. Добровольским (в те годы заведующий фонограммархивом) и К. В. Чистовым. При этом учитывались: а) несомненная принадлежность валиков Ю. И. Блоку; б) совпадение даты записи в сообщениях газеты о фонографическом сеансе Федосовой и в объявлении Ю. И. Блока, зафиксированном на валике и хорошо слышимом, — 5 января 1896 г. Фамилию исполнительницы и название губернии, откуда она приехала в Москву, расслышать до реставрации было невозможно. Можно было только предположить, что они не противоречат предложенной атрибуции.

Позднее для антологии русских былин Б. М. Добровольский осуществил расшифровку небольшого фрагмента федосовского валика. В связи с тем что эту публикацию он готовил до перевода валичных фонограмм на металлические диски, обнаружились не преодолимые трудности прямой расшифровки с фонографа и вкрались мелкие ошибки. Кроме того, ввиду непостоянной скорости вращения мотора фонографа не удалось точно определить тональность, в которой пела Федосова. Все это вызывает необходимость вторичного (после реставрации!) обращения к звукозаписям от выдающейся русской сказительницы и публикации полных расшифровок со всеми необходимыми исправлениями.

Разумеется, звучание записи и после реставрации далеко от современных идеальных требований к качеству фонограммы. Шум и треск подчас забивают звук, но все-таки это единственная возможность услышать голос замечательной русской сказительницы.

Дикция И. А. Федосовой либо техническое качество записи, естественное для конца прошлого века, позволяют с большим трудом произвести частичную словесную расшифровку фонограммы. Отметим, что отзывы слушателей о дикции И. А. Федосовой противоречивы. М. Горький пишет, что у Федосовой не было зубов и она шепелявила.¹⁸ В. В. Богданов, напротив, говорит о четкости ее дикции: «Был здесь один преподаватель искусства речи (кажется, Булдин), читавший лекции в драматическом училище. Он восхищался дикцией Ирины Андреевны,

¹⁷ Авторы настоящей публикации выражают благодарность заведующему фонограммархивом Института русской литературы АН СССР В. В. Коргузалову за разностороннюю помощь при подготовке настоящего сообщения.

¹⁸ Горький М. Собр. соч., т. 23, с. 188 и 232.

ясной и всегда хорошо слышимой, а также удивительной ритмичностью ее причитаний. Фед. Евг. Корш, обратясь к этому профессору речи, сказал: „Хорошо бы многим нашим косноязычным профессорам поучиться у Федосовой“. А на это Ив. Ив. Янжул заметил: „Да она и самого Василия Осиповича Ключевского за пояс заткнет“.¹⁹ Решить, кто из них ближе к истине, довольно трудно. В очерках М. Горького явственно сказывается тенденция изобразить сказительницу древней старухой, «олицетворением старой русской народной поэзии», «живой легендой», «явившейся из древних сказок в действительность, хвастливо построенную насеко и напоказ»; ей будто бы «девяносто восемь лет отроду»²⁰ и т. д. — в то время как ей было только шестьдесят пять. Впрочем, в шестьдесят пять лет крестьянская женщина, прожившая столь нелегкую жизнь, могла действительно выглядеть глубокой старухой, что в значительной степени подтверждается и ее портретами 90-х годов прошлого века.²¹ В. В. Богданов писал свои воспоминания в 1948 г., т. е. через 52 года после того, как он слышал И. А. Федосову, но он был ученым-этнографом, хорошо знаяшим цену документальным свидетельствам, поэтому трудно предположить, что он не точен в передаче не только своих впечатлений, но и суждений Ф. П. Корша, И. И. Янжула и Булдина. Обратим еще внимание на то, что в духе В. В. Богданова можно понять и некоторые пассажи из воспоминаний Ф. И. Шаляпина. Например: «Она вызвала у меня незабываемое впечатление. Я слышал много рассказов, старых песен и былин и до встречи с Федосовой, но только в ее изумительной передаче мне вдруг стала понятна глубокая прелесть народного творчества». Или: «Не потому ли, думал я, так много в опере хороших певцов и так мало хороших актеров. Ведь кто же умеет в опере просто, правдиво и внятно рассказать, как страдает мать, потерявшая сына на войне, и как плачет девушка, обиженная судьбой и потерявшая любимого человека».²²

В начале фонограммы мужской голос сообщает о времени и месте записи («5 января 1896 года в Москве...»), называет имя исполнительницы (четко звучат отчество и фамилия «Андреевна Федосова») и несколько невнятно объявляет название первого произведения. Нам послышалось: «О зверях и рыбах». Перед второй записью вновь следует объявление, на этот раз довольно

¹⁹ Богданов В. В. Из воспоминаний о русской народной поэтессе И. А. Федосовой. — В кн.: Чистов К. В. Народная поэтесса..., с. 359, прил. IV. Ср. также: Богданов В. В. Очерк из истории русской интеллигенции и русской науки. — В кн.: Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1978, вып. VIII, с. 50.

²⁰ Горький М. Собр. соч., т. 23, с. 188—189; т. 19, с. 525; т. 23, с. 231.

²¹ Чистов К. В. Народная поэтесса, с. 370, прил. VI, «Известные портреты И. А. Федосовой».

²² Шаляпин Ф. Страницы из моей жизни. Автобиография. Л., 1926, с. 183—184.

ясное: «Она же исполнит „Стихи о Голубиной книге“». В конце первого номера звукозаписи пружина завода фонографа ослабла, вращение валика слегка замедлилось. Из-за этого при воспроизведении на постоянной скорости окончание данной записи звучит полутоном выше основной тональности.

Из двух произведений, исполненных И. А. Федосовой для записи, удалось расшифровать словесный текст только второго, т. е. «Стихи о Голубиной книге». Он звучит яснее, кроме того, в этом случае могли помочь другие имеющиеся словесные записи этого же произведения.²³ Поэтому первое произведение, ранний печатный вариант которого мы установить не смогли, дается лишь в нотной записи, без словесной подтекстовки. В известных нам записях от И. А. Федосовой нет ни одного текста, который мог бы быть назван «О зверях и рыбах». Не находим мы ничего сходного и в других известных нам записях.

По мере вслушивания в фонограммы И. А. Федосовой технические недостатки записи отходят на задний план, а внимание приковывает выразительность пения, тем более что напев прослушивается очень четко. «Сказывание» И. А. Федосовой (так же, заметим, как и И. Т. Рябинина) — это пение простых, мало-распевных, узких по звукоряду мелодий, но именно пение, а не полувокальное-полуречевое интонирование. Фонограмма подтверждает верность горьковской характеристики: «Голос у Федосовой еще очень ясный».²⁴ Сказительница, несмотря на возраст, сохранила и свободное певческое дыхание. Она нигде ради дыхания не нарушила музыкальной фразы, даже в кадансах, где такие технические вокальные паузы вполне допустимы. Более того, И. А. Федосова иногда даже сливает в одно целое последний звук предыдущей строфы с первым последующей (напев № 2, строфы 3 и 4).

Сказывание народной поэтессы льется единным потоком, в монотонном бесперебойном движении. Она не пользуется какими-либо декламационно-выразительными приемами ради выделения того или иного слова или фразы словесного текста. Междустрофная мелодическая вариантистость у И. А. Федосовой крайне незначительна, может быть, благодаря частому исполнению записанных напевов. Некоторые мелкие исполнительские подробности имеют у нее определенное значение. Например, вставные гласные в закрытых слогах более характерны для третьего от начала ударного слова стиха (в № 2); если же слог открытый, то на этой позиции возникает мелодическая фигура вспомогательной ноты.

Следует полагать, что для фонографического сеанса были отобраны напевы, особенно характерные для И. А. Федосовой как исполнительницы. Напевы эти неоднократно записывались от нее

²³ ОГВ, 1867, № 11, с. 178; Агренева-Славянская, ч. III, с. 96—99.

²⁴ Горький М. Собр. соч., т. 23, с. 233.

и ранее. Так, напев № 1 был зафиксирован в слуховой записи О. Х. Агреневой-Славянской и Н. А. Римским-Корсаковым с текстами свадебных причитаний. Запись композитора очень близка к публикуемой ниже расшифровке фонограммы; другая же запись значительно дальше отстоит от звукозаписи (табл. 1).

Таблица I
Фонограмма (подлинная тональность «А»)

The image shows three staves of musical notation in G major, each with a different interpretation:

- Rimsky-Korsakov («C»):** The top staff. The lyrics are: В большой колокол у - да - ри - ли.
- Rybakov («F»):** The middle staff. The lyrics are: Добры ко - нюш - ки по - усто - я - лись.
- Agreneva-Slavianskaya («B»):** The bottom staff. The lyrics are: Спа - сет бог, ми - ля се_стрица най-ро-ди - ма - я,

Но одно отличает обе слуховые записи от фонограммы: стих первых имеет дактилическое окончание, очень характерное для причитаний, стих последней имеет не характерное для причети, но присущее двум духовным стихам из репертуара И. А. Федосовой устойчивое женское окончание: «Об Олекsee человеке божьем» и «О страннике». Спокойное, «повествовательное» по тону исполнение данного номера фонограммы также делает его непохожим на причитание, даже свадебное, не говоря уж о похоронном. Эти факты в совокупности с объявлением в начале фонограммы, которое тоже говорит не о причитании, позволяют предположить, что на напев, близкий к свадебной причети, сканительница на этот раз спела какой-то неизвестный текст, скорее всего фрагмент духовного стиха.

Напев № 2 был записан Н. А. Римским-Корсаковым и С. Г. Рыбаковым с текстом былины о Добрине Никитиче (см. выше). Эти записи почти идентичны публикуемой нами расшифровке. Мелодии «Стихи о Голубиной книге» и былины

о Добрыне из сборника О. Х. Агреневой-Славянской далеки от вышеуказанных трех записей.²⁵ Собирательница явно не спрашивалась с передачей этого эпического напева, основного для И. А. Федосовой (табл. II).

Эпический напев, на который И. А. Федосова спела «Голубиную книгу», прибавляет нечто новое к тому, что известно об онежско-беломорской сказительской традиции. Во-первых, цепное чередование стихов в двустишиях (АВ, ВС, СД...) не встречается в известных нам эпических произведениях, записанных в указанном регионе. Во-вторых, И. А. Федосова пела, как показывает табл. II, на один и тот же напев и былину, и духовный стих. Факты перехода мелодии от былины к духовному стиху или наоборот (т. е. между жанровой миграции напева внутри эпической традиции) не отмечались ранее в беломорско-онежском регионе.²⁶ Подобный переход происходит у И. А. Федосовой, несмотря на различие поэтических размеров. Стих «Голубиной книги» — сдвоенный пятисложник 5+5; былинам более свойствен 11—13-сложный стих.

Итак, записи от И. А. Федосовой на эдиссоновском валике, произведенные 5 января 1896 г. в Москве Ю. И. Блоком, представляют значительный интерес. Счастливым образом сохранившиеся в годы Великой Отечественной войны и дошедшие до нас, эти записи были в числе самых ранних фонографических фиксаций народных мелодий не только в русской, но и в мировой фольклористике. Они впервые знакомят нас с голосом и исполнительской манерой крупнейшей русской сказительницы и открывают возможность документальной оценки «слуховых» записей, принадлежащих столь разным в профессиональном отношении музыкантам, как О. Х. Агренева-Славянская, С. Г. Рыбаков, Н. А. Римский-Корсаков, Г. О. Дютш. Таким образом, несмотря на относительную скучность музыкального материала (два небольших фрагмента), можно без малейшего преувеличения говорить о том, что его расшифровка обогащает нас фактами сколь драгоценными, столь и уникальными для истории русского фольклора. Вместе с тем фонограммы содержат загадку, разрешить которую не удается: что же спела И. А. Федосова Ю. И. Блоку до «Голубиной книги»? Пока в нашем распоряжении только мелодия, не дающая ответа на этот интригующий вопрос.

²⁵ Агрепева-Славянская, ч. III, с. 46.

²⁶ С другой стороны, отметим: собирателями неоднократно фиксировалось, что на Карельском берегу Белого моря былины, старинные исторические песни, баллады и духовные стихи исполнители обозначают обобщенным термином «стихи» (см., напр.: Чистов К. В. Новая запись песни о Щелкапе Дудентьевиче. — ТОДРЛ, 1958, М.—Л., т. XIV, с. 510; Разумова А. П., Коски Т. А. Песни Поморья. — В кн.: Русские народные песни Карельского Поморья. Л., 1971, с. 25. Ср. также название III отдела III части сборника О. Х. Агреневой-Славянской «Великопостные стихи, былины и легенды» (М., 1889, с. 88—146)).

Таблица II
Фонограмма

Римский-Корсаков

Рыбаков

Агренева-Славянская

Нотная расшифровка валика
с напевами И. А. Федосовой.

№ 1

$\text{J}=142$

The musical score consists of ten staves of music in 3/4 time, G major (indicated by a sharp sign), with a tempo of J=142. The notation includes various note values such as eighth and sixteenth notes, and rests. The lyrics, written in parentheses below the staff, are: (и), (и), (и), (и), (и), (и), (и), (и), (и). The score is divided into two sections, (и) and (и), indicated by vertical bar lines.

Она же исполнит «Стих о Голубиной книге»:

No. 2

$\text{♪} = 140$

Чтоль и восьмом(ы)го_ду вось_ мой ты _ се _ че.

Вось_ мой ты _ си _ че_ да в мар - те ми _ си _ че.

Вось_ мой ты _ си _ че, в мар - те ми _ се _ че

На_сты_ва _ ла ту _ чень_ ка те_м(ы).на _ я.

На _ ста_ви _ ла ту _ чень_ ка те _ ми _ я.

Ай, силь на_г(ы)роз(а)на, да стра _ хо _ ви _ та _ я

й, силь на_г(ы)роз(ы)на, стра _ хо _ ви _ та _ ви

Со _ громом(ы)ту _ ча, да со _ мо _ л(ы)ви _ ёй.

Со _ громом(ы)ту _ ча, да со _ мо _ лви _ ёй.

На ту - ю го - ру, ды на Фа - во-р(ы) го - ру.

На ту - ю го - ру, на Фа - вор - го - ру,

Ко чу - дну к(ы)ре - сту, да ко - го - спод(ы) не - му.

Ко то - му к(ы)ре - сту, ко го - спод - ие - му,

Ко ты - и_м(ы)мо - щам, да ко А - да - мо - вым.

Ко ты - и_м(ы)мо - щам, ко А - да - мо - вым,

Вы _ мы - да - ла к(ы).ни - га Го - лу - би - на - я.

Вы - на - да - ла к(ы).ни - га Го - лу - би - на - я,

Со - би - ра - ли - си же, со - ко_пля - ли - си.

Со - би - ра - ли - си, со - ко_пля - ли - си...